

Капиталистическая неопределённость

Из предисловия к готовящейся к изданию итальянском языке книге Николы Капеллуто “Crisi del debito e crisi dell’ordine”.

Империализм не способен поддерживать мировой порядок, заявлял Ленин. После краха Бреттон-Вудского монетарного порядка в 1970-х годах и Ялтинского порядка в 1980-х – 1990-х годах уже в течение 15 лет мир переживает тряску *Вашингтонского консенсуса*, ставшего выражением порядка империалистического либеризма, но теперь расшатываемого растущим стратегическим соперничеством между находящимся в относительном упадке американским империализмом и набирающим силу империализмом китайским: пятнадцатилетний период кризисов и неопределённости в экономическом развитии связан с *«пятнадцатилетним периодом конфликтов и беспрецедентной напряжённости»* кризиса глобального порядка.

Изменения и неопределённость генетически присущи капиталистическому способу производства. Ими проникнуты как эпохи подъёма буржуазии, так и периоды упадка и кризиса. В “Манифесте Коммунистической партии” Маркс и Энгельс указывали на неопределённость как на одну из констант буржуазного общества: *«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. [...] Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других»*¹. В “Капитале” Маркс описал механизм процесса капиталистического производства: *«Средство – безграничное развитие общественных производительных сил – вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью – увеличением стоимости существующего капитала»*². Это проявляется в перманентном дисбалансе между основными силами буржуазного строя – постоянным и переменным капиталом, а также в возникновении диспропорций между различными отраслями производства, что представляет собой *«постоянный процесс»*³: *«[Конфликт] противодействующих друг другу факторов периодически выливается в кризисы, которые всегда представляют собой только временное насильственное разрешение существующих противоречий, насильственные взрывы, которые на мгновение восстанавливают нарушенное равновесие»*⁴.

Капиталистический способ производства – это *«историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка»*⁵. В материалистическом видении Маркса и Энгельса, изложенном в “Немецкой идеологии”, природа и масштаб современной неопределённости обнаруживаются на мировом рынке: по мере того, как человеческая деятельность поднимается до универсального уровня, индивиды начинают чувствовать себя угнетёнными и подчинёнными чужой власти, *«которая становится всё более массовой и в конечном счёте проявляется как мировой рынок»*⁶. Для *«массы рабочей силы»* понимание природы этой власти, которая периодически подрывает условия её труда на своём рабочем месте и её материальное существование, требует принятия видения, которое выходит за рамки собственного цеха, сектора или страны: *«[Не] только временн[ая] потер[я] самой этой работы, как обеспеченного источника жизни, но и вообще совершенно непрочн[ое] положени[е], – всё это предполагает, в силу конкуренции, существование мирового рынка»*⁷. Безудержный бум развития, читаем мы в “Манифесте”, позволил буржуазии создать в первом столетии своего господства массу производительных сил большую, *«чем [создали] все предшествовавшие поколения, вместе взятые»*⁸. Но на определённом уровне капиталистического развития буржуазию ждёт судьба *«волшебника, который не в состоянии более справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями»*. Наступает кризис, толкающий общество *«назад к состоянию внезапно наступившего варварства. [...] Буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вместить созданное ими богатство»*. Буржуазия преодолевает кризис, *«[с] одной стороны, путём вынужденного уничтожения целой массы производительных сил, с другой стороны, путём завоевания новых рынков и*

более основательной эксплуатации старых»; иными словами, «подготавливает более всесторонние и более сокрушительные кризисы»⁹. Эту концепцию мы найдём вновь, почти полвека спустя, в пророческой заметке Энгельса в III томе “Капитала”, согласно которой в последней четверти XIX века произошло «увеличение продолжительности цикла», «произошли крупные изменения [...], каждый из элементов, противодействующих повторению кризисов старого типа, носит в себе зародыш гораздо более грандиозного будущего кризиса»¹⁰. Уже в 1848 году Маркс увидел в первых кризисах восходящей буржуазии смиренную рубашку производственных отношений, которая сделала её деструктивным классом, связанным уже не цепями феодального строя, но созданными ею самой производительными силами. В 1894 году на заре перехода капитализма к его высшей фазе – империализму Энгельс видел сопровождающееся катастрофами становление процесса, который апологеты капитала хотели видеть лишь в благодатной форме «созидательного разрушения».

Долговечность ставшего империализмом капитализма, наделённого колоссальной концентрацией финансового капитала и занятого разделом мировых рынков и ресурсов, объясняется не только контрреволюционной мощью бюрократического, военного и идеологического аппаратов государств, но также способностью к подкупу буржуазной рабочей партии. В циклах зрелого капиталистического накопления развитие и упадок, рост и стагнация чередуются, сочетаются и взаимопроникают, продлевая существование буржуазного способа производства. Это один из самых ясных выводов ленинского анализа, приведённого в “Империализме”: «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растёт, но этот рост не только становится вообще более неравномерным, но неравномерность проявляется также в частности в загнивании самых сильных капиталом стран»¹¹.

В сочетании роста и разрушения, ускоренного неравномерного развития и умножения социального неравенства и кроется та материальная основа острой неопределённости, которая подпитывает иллюзии и разочарования, идеологические конвульсии и фобии, которые периодически овладевают средними прослойками, проникая также в другие слои общества, в том числе пролетариат, и принося туда свои иррациональные, ксенофобские, антинаучные предрассудки.

В нашу эпоху развитие питает паразитизм, а паразитизм пожирает развитие. Зрелому капитализму требуются более высокие темпы роста производительности и инвестиций, чем темпы роста доходов и непроизводительного потребления, но обеспечение этого становится всё более трудной задачей из-за различных факторов: среди них сегодняшние тенденции демографических изменений, которые уже не просто прогнозируются, но всю реализуются, а именно старение населения, в частности экономически активного населения, увеличение его непроизводительной составляющей. Демографическая зима отражается на жизнеспособности всей общественной формации и социальных психологиях. Поэтому буржуазия должна увеличивать интенсивность эксплуатации, расширять свои запасы прибавочной стоимости не только в наиболее динамичных и молодых капиталистических странах, но и в старых метрополиях, прибегая к использованию женской рабочей силы и труда иммигрантов и даже к бесстыдной легализации и расширению сферы детского труда, даже в США.

Одним из результатов этой социальной динамики является рост частного и государственного долга. Живой прибавочной стоимости недостаточно, чтобы поддерживать накопление и кормить множество непроизводительных слоёв и слоёв-рантье; иногда даже прямое изъятие прибавочной стоимости и привлечение международных сбережений оказываются недостаточными, и возникает необходимость использовать будущую прибавочную стоимость, создавая взрывающиеся пузыри фиктивного капитала. Периодически буржуазия пытается сократить непроизводительные расходы своих государств, прежде всего за счёт сокращения расходов на социальное обеспечение, что

становится необходимым, среди прочего, из-за старения самого населения и увеличения частоты кризисов.

Паразитизм пронизывает все буржуазные течения, будь то либеристские или протекционистские, националистические и популистские, пацифистские или милитаристские. Кризис парламентаризма на этой социальной основе принимает приступообразный характер и заражает все органы власти государства. Паразитизм, забивающий поры системы, становится социальным подтекстом империалистической демократии, которая теперь представляет собой *«реакцию по всей линии»*¹². В эпоху империализма демократия, чтобы оставаться его лучшей оболочкой, *«не может не следовать своей исторической судьбе политической формы, которая способствует, а не препятствует развитию производительных сил, приводящему к загниванию и империалистическим конфликтам»*¹³. Это и есть ленинская *«гениальная концепция “реакционной демократии”»*¹⁴, пропитанная материалистической диалектикой, объясняет Черветто.

Теоретики и практики буржуазии пытались проникнуть в “тайну” капиталистической неопределённости, но так и не приблизились к сути, открытой Марксом. Мервин Кинг, управляющий Банка Англии в период с 2003 по 2013 год, оказался у руля британской монетарной власти во время мирового финансового кризиса. Этот опыт послужил ему вдохновением для написания двух книг. В последней из вышедших книг, написанной совместно с английским экономистом Джоном Кеем, Кинг оценивает кризис 2007–2008 гг. как *«провал экономического анализа и экономической политики»* и пытается объяснить этот переворот и его последствия для рынков с помощью экономической теории, учитывающей социальные настроения, вводя формулу *«радикальной неопределённости»*. Под ней они подразумевают неопределённость, которую *«нельзя описать в вероятностных терминах»*, а можно *«охватить»* лишь посредством *«повествования»*, которое, как они считают, является *«наиболее мощным механизмом, доступным для организации нашего несовершенного знания»*. Любимый повествователь Кинга – это Лев Толстой с его “Войной и миром”, потому что, по словам управляющего, именно он *«понял радикальную неопределённость»* войны и объяснил её, *«смешав факт и вымысел»*.

Это кара, обрушившаяся на голову британского эмпиризма, который, будучи подавлен лавиной кризиса, становится свидетелем того, как рушится его вера в практический разум, лежащий в основе политики монетарной власти и её применения как искусства.

Сентябрь 2023 г.

---

¹ - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 4. С. 427.

² - Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 274.

³ - Там же. С. 282.

⁴ - Там же. С. 273.

⁵ - Там же. С. 274.

⁶ - Там же. Т. 3. С. 36.

⁷ - Там же. С. 34, 35.

⁸ - Там же. Т. 4. С. 429.

⁹ - Там же. С. 429, 430.

¹⁰ - Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 32.

¹¹ - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 422–423.

¹² - Там же. С. 408.

¹³ - Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 121.

¹⁴ - Там же. С. 122.